

Альперович Валерия Дмитриевна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
социальной психологии и психологии личности
Южного федерального университета

Куковская Мария Андреевна

студентка Академии психологии и педагогики
Южного федерального университета

**МЕТАФОРЫ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»
ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДИКТОРЫ
«ЯЗЫКА ВРАЖДЫ» [1]**

Аннотация:

В работе затронута проблема когнитивных факторов феноменов «дискриминация» и «язык вражды». Цель исследования заключалась в выявлении влияния метафор «своего» и «чужого» человека и представлений о «враге» и «друге» на особенности принятия личностью дискриминационных практик по отношению к другим людям. По итогам исследования сделаны выводы о том, что принятие дискриминационных характеристик партнеров по общению, значимость сходства и различия со «своими» и «чужими» людьми поляризуют категоризацию других людей, восприятие «друзей» и «врагов», в большей степени усиливают атрибуцию негативных качеств «врагам», чем позитивных качеств «друзьям». Полученные результаты могут быть использованы в социально-психологическом консультировании личности, при разрешении прикладных проблем психологии конфликта, разработке программ тренингов толерантности.

Ключевые слова:

метафоры, «свой», «чужой», представления, «враг», «друг», «язык вражды», дискриминация, дискриминационные практики.

Alperovich Valeria Dmitrievna

PhD in Psychology, Senior Lecturer,
Social Psychology
and Personality Psychology Department,
Southern Federal University

Kukovskaya Maria Andreyevna

Student, Academy of Psychology and Pedagogics,
Southern Federal University

**METAPHORS OF PERSONAL
"FRIEND" AND "FOE" AS PREDICTORS
OF "HATE SPEECH" [1]**

Summary:

The article touches upon a problem of cognitive factors of "discrimination" and "hate speech" phenomena. The research object is to discover how personal "friend" and "foe" metaphors and ideas influence acceptance of discrimination toward other people. It is concluded that that acceptance of discriminating behaviour of communication partners, significance of similarities and differences with "friends" and "foes" polarize categorization of other people, perception of "friends" and "enemies", they increase attribution of negative qualities to "foes" more than positive ones to "friends." The obtained results can be used in social and psychological counseling, in resolution of applied problems of the psychology of conflict, development of tolerance training programs.

Keywords:

metaphor, "friend", "foe", ideas, hate speech, discrimination, discriminating practices.

Введение

В современной социальной ситуации в разных странах мира, в противоречивых условиях демократизации, обострения межэтнических, межкультурных конфликтов, экономической нестабильности и трудовой миграции, внимание многих исследователей привлекает феномен дискриминации. Дискриминацию традиционно рассматривают как лишение людей определенных прав, подкрепленное юридическими или социальными ожиданиями в силу их принадлежности к какой-либо социальной группе. Гендер, внешний облик, в том числе этнокультурный внешний облик, вес, возраст, этническая, национальная принадлежность субъектов являются основными критериями дискриминационных практик, т. е. негативного отношения к представителям данных групп, выражаемого в поведении (например, ограничение на принятие на работу лиц пожилого возраста, соответствующих требованиям в данной организации).

В.Н. Ярская, Н.О. Автаева показывают, что дискриминационные стереотипы и поведение в межгрупповых отношениях, в частности, обусловлены «наклеиванием ярлыков» на членов иных этнических, гендерных групп [2]. Эти «ярлыки» и стереотипы включают атрибуцию негативных свойств, предрассудки и предубеждения и составляют «язык вражды». Н.О. Автаева определяет «язык вражды» (hate speech) как «дискриминационные, негативистские высказывания, определения, эпитеты применительно к этносу, расе, убеждениям, апеллирующие к конфликтности и разнице между национальностями или религиями и – в своей крайней форме – пропагандирующие вражду и рознь» [3, с. 811]. А.В. Гладилин исследует «язык вражды» как коммуникацию, основанную на предубеждениях и дискриминации [4]. О.С. Коробкова определяет «язык вражды» как «языковое выражение интолерантности, или лингвистически выраженную интолерантность»

[5, с. 201]. «Язык вражды» основан на фиксации различий субъекта с «чужими» и «врагами», на бинарных оппозициях «мы – они», «друг – враг, «свой – чужой». Он может функционировать в нарративной и метафорической формах.

Метафора как лингвистическое понятие представляет собой литературный прием, фигуру речи, в которой название объекта одного класса (слово или словосочетание) используется для обозначения объекта другого класса. Виды метафор, выделенные в лингвистике [6], связаны с различными смыслами и значениями, которые приписываются им обществом. В настоящий период в психологии развиваются различные направления исследования метафор. Метафоры рассматриваются как репрезентации и инструмент познания индивидуального опыта субъекта, межличностных отношений, поскольку придают им значения и свойства [7], выражают ценностные ориентации, репрезентируют жизненный путь субъекта [8]. Исследовано метафорическое восприятие различных карьерных периодов [9]. Психотерапевты считают метафоры «языком бессознательного», средством преобразования индивидуального опыта клиента [10]. Метафоры являются инструментами познания (осмысления, конструирования) социального мира, поддерживают социальные практики, социальные представления, могут выступать предрассудками [11]. Так, в рекламном [12] и политическом дискурсе они выражают идеологическую оценку политических «врагов» и «друзей», конкурентов, общественных явлений [13].

Метафоры являются одним из способов осмысления, интерпретации социальных явлений, образов «я» и других людей. Категоризация окружающих, в частности на «своих» и «чужих», «врагов» и «друзей», влияет на стратегии взаимодействия с ними. В социальной психологии изучены представления о «враге» и «друге» и их взаимосвязи с системой отношений личности [14]. Мы понимаем представления личности как когнитивно-эмоциональные образования, включающие характеристики и функции ее партнеров по общению. Несмотря на то что метафорическая природа социальных представлений уже выявлена, недостаточно изучены взаимосвязи метафор и представлений личности о других людях. Показано, что социальные представления о «враге»/«друге» влияют на отношение к партнерам по общению, однако недостаточно разработаны взаимосвязи этих представлений с дискриминационными практиками. Изучается метафорический «язык вражды», основанный на различии образов «свои»/«чужие», но почти не анализируются метафоры «своих» и «чужих» людей в связи с феноменами «дискриминация» и «язык вражды».

Программа и методы исследования

Проблемой нашего исследования выступают когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о «враге», их метафорическая и нарративная основа. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить влияние метафор «своего» и «чужого» человека и представлений о «враге» и «друге» на особенности принятия личностью дискриминационных практик по отношению к другим людям. Предметом исследования выступают метафоры «своего» и «чужого» человека, «врага» и «друга», уровень выраженности принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям и социально-психологические характеристики представлений о «враге» и «друге».

Гипотезы исследования:

1. Метафоры «своего» и «чужого» человека могут влиять на особенности принятия личностью дискриминационных практик по отношению к другим людям в повседневном межличностном общении.

2. Метафоры «своего» и «чужого» человека и социально-психологические характеристики представлений о «враге» и «друге» могут различаться у лиц с разным уровнем выраженности принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям.

3. Особенности принятия дискриминационных характеристик «врага» и «друга» могут быть связаны с метафорами различных типов и различными характеристиками «врага» и «друга».

4. Особенности принятия метафор сходства и различия со «своими» и «чужими» людьми могут быть связаны с различными характеристиками «врага» и «друга».

Применены следующие методы: классификация метафор, анализ характеристик представлений, методы математической статистики (квартирование, множественный регрессионный анализ, Н-критерий Краскела – Уоллеса, U-критерий Манна – Уитни).

Использованы следующие методики: 1) авторская методика «Метафоры “своих” и “чужих” людей» (Альперович В.Д., 2016); 2) модифицированная анкета Д.Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга» (Д.Н. Тулинова, 2005); 3) авторская методика «Диагностика принятия дискриминационных практик в повседневном межличностном общении» (Альперович В.Д., 2016).

Эмпирическим объектом пилотажного исследования стали 107 человек (17 мужчин, 90 женщин) на этапе ранней взрослости в возрасте 20–35 лет (студенты Южного федерального университета города Ростова-на-Дону, сотрудники различных предприятий города Ростова-на-Дону). Был использован стандартный программный пакет для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 20.0.

Методика «Метафоры “своих” и “чужих” людей» разработана нами на основе метода «Незаконченные предложения». Она включает 18 незаконченных предложений. Респондентам предлагается указать метафоры «своих» и «чужих» людей, «врага» и «друга». Полученные метафоры классифицируются по группам (представлены ниже).

Разработанная нами методика «Диагностика принятия дискриминационных практик в повседневном межличностном общении» включает 16 ситуаций, в которых проявляется враждебное, дискриминационное поведение по критериям «гендер», «этническая принадлежность», «вес», «возраст». Респондентам предлагается оценить степень их согласия с каждой ситуацией по 5-балльной шкале от «не согласен» до «полностью согласен».

Анкета Д.Н. Тулиновой «Идентификация Другого в качестве Врага и Друга» включает 33 характеристики «друга» и 33 характеристики «врага». Мы предложили респондентам принять или отвергнуть характеристики «врага» и «друга» как всегда характерные/не характерные для «друга» и «врага». Были введены характеристики, в которых отмечена принадлежность «врага» и «друга» к этническим, социокультурным и религиозным группам, к которым принадлежит/не принадлежит сам субъект. Принятие и отвержение этих характеристик, определяющих критерии выбора реальных «друзей» и «врагов», показывают особенности принятия дискриминационного поведения по отношению к представителям данных групп.

Результаты исследования

На первом этапе исследования мы составили классификатор метафор. Все метафорические и неметафорические ответы респондентов были разделены нами вслед за Д.С. Скнаревым на следующие группы [15]: *антропоморфные метафоры*: позитивные («родственники», «семья», «близкие люди»), негативные («черная мафия», «предатель», «сектант», «террорист») и нейтральные («прохожий», «одноруппники», «соседи»); *метафоры-атрибуты*: позитивные («люди, которым доверяю», «весельчаки», «теплые», «нужные»), негативные («злые», «агрессивные», «обманщики», «бездельники», «пьяница») и нейтральные («дышат», «умеют разговаривать», «те, о которых не знаю», «малознакомые», «неизвестные», «посторонние»); *метафоры сходства* («родственные души», «похожие на меня», «из того же теста»); *метафоры различия* («не похож на меня», «те, кто говорит на другом языке», «иностранцы»); *метафоры абстрактные*: позитивные («добро», «счастье») и негативные («зло», «боль»); *метафоры – прецедентные имена* (в том числе положительные и отрицательные сказочные и реальные персонажи): позитивные («Мишка Винни-Пух»), негативные («Троянский конь») и амбивалентные («люди, похожие на героев Достоевского», «люди, похожие на богему XIX в.»); *зооморфные метафоры*: позитивные («пушистые, добрые зверушки», «преданные собаки», «добрые кошки»), негативные («непредсказуемые тигры», «злые собаки»), нейтральные и амбивалентные («медведи», «птицы», «бобры», «муравьи»); *артефактные метафоры*: позитивные («теплый плед», «цветные карандаши», «мягкое одеяло», «спасательный круг»), негативные («колючка», «иголки», «наждак», «навоз»), нейтральные и амбивалентные («книги», «элементарные частицы с разными зарядами», «загадка», «монеты»); *природоморфные метафоры*: позитивные («лучи солнца», «столбы света», «свежие травы», «цветы в доме»), негативные («грозовое небо», «ледяной ветер», «тучи»), нейтральные и амбивалентные («тени», «камни», «далекая планета»); *метафоры организма* («часть меня», «надежное, твердое плечо»); *магические метафоры* («ангел», «заботливый волшебник»); *метафоры качества и значимости* («образец общения»).

С помощью классификатора определялись виды метафор, названных каждым респондентом. Далее для каждого респондента был рассчитан коэффициент принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям по следующей формуле: $M = \text{сумма баллов по каждой ситуации} \div \text{общее количество ситуаций}$. Мы провели квартилирование всех коэффициентов принятия дискриминационных практик и разделили выборку респондентов на четыре группы, различающиеся уровнем принятия данных практик: группа 1 – респонденты с низким уровнем принятия дискриминационных практик ($0 \leq M \leq 1,5$), 2 – со средним уровнем принятия дискриминационных практик ($1,5 < M \leq 1,875$), 3 – со средним, ближе к высокому уровню принятия дискриминационных практик ($1,875 < M \leq 2,25$), 4 – с высоким уровнем принятия дискриминационных практик ($2,25 < M$).

Для того чтобы определить, влияют ли метафоры «своих» и «чужих» людей и характеристики «врага» и «друга» на особенности принятия участниками исследования дискриминационных практик по отношению к другим людям, был проведен множественный регрессионный анализ этих переменных. Его результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты множественного регрессионного анализа метафор «своих» и «чужих» людей, характеристик «врага» и «друга» и уровня выраженности принятия участниками исследования дискриминационных практик по отношению к другим людям

Коэффициент множественной корреляции (R)	Коэффициент множественной детерминации (R-квадрат)	Скорректированный коэффициент множественной детерминации (R-квадрат)	F-критерий Фишера	Уровень значимости
0,953	0,909	0,600	2,943	0,002

В регрессионной модели 60 % изменений значений уровня принятия респондентами дискриминационных практик обусловлены влиянием их метафор «своих» и «чужих» людей и характеристик «врага» и «друга» с высоким уровнем значимости (0,002). Наибольшее влияние оказывают характеристики «врага» и «друга» и метафоры «своего» и «чужого» человека, «врага» и «друга», коэффициенты которых в регрессионной модели приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Характеристики «врага» и «друга» и метафоры «своего» и «чужого» человека, оказывающие наибольшее влияние на уровень принятия дискриминационных практик

Переменные	Стандартизованные коэффициенты Бета	Уровень значимости
Человек, который Вас поддерживает, на кого Вы можете опереться в трудную минуту	0,612	0,001
Человек, с которым у Вас общие точки зрения	0,451	0,002
Человек, который старше Вас по возрасту	0,772	0,003
Человек, с которым у Вас общие интересы	0,712	0,001
Человек, который не любит общаться с Вами	0,831	0,002
Человек, с которым Вы не любите общаться	0,564	0,002
Человек, которому Вы неприятны	0,938	0,002
Человек, которому Вы завидуете	1,787	0,005
Человек, от которого исходит опасность	0,468	0,002
Человек, которого Вы чувствуете «чужим», «иным»	0,469	0,005
Человек, который Вам несимпатичен	0,364	0,005
«Магические» метафоры «своего» человека и «друга»	0,456	0,005
Антропоморфные негативные метафоры «чужого» человека и «врага»	0,447	0,002
Метафоры различия	0,215	0,003

Для категоризации участниками исследования партнеров по общению в качестве «друзей» и «врагов» значимы эмоциональное, когнитивное и ценностное единство с «друзьями», их позитивные качества, принадлежность «врагов» к другим социальным группам, что усиливает атрибуцию им различий с субъектом, их негативные качества. Далее мы сравнили метафоры и характеристики «врага» и «друга» у респондентов с разным уровнем принятия дискриминационных практик по критерию Краскела – Уоллеса. Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Различия метафор «своего» и «чужого» человека и характеристик «врага» и «друга» у респондентов с разным уровнем принятия дискриминационных практик

Метафоры «своего» и «чужого» человека, характеристики «врага» и «друга»	Респонденты с низким уровнем принятия дискриминационных практик, средний ранг	Респонденты со средним уровнем принятия дискриминационных практик, средний ранг	Респонденты с высоким уровнем принятия дискриминационных практик, средний ранг	Уровень значимости
Человек, с которым Вы искренни и откровенны	68,06	50,12	47,25	0,005
Человек, который искренен и откровенен с Вами	56,15	59,58	38,56	0,003
Человек, не принадлежащий к Вашей социокультурной группе	53,48	51,50	60,42	0,005
Человек, не принадлежащий к Вашей религиозной группе	51,98	50,96	63,38	0,001
Человек, обладающий более низким социальным положением и статусом, чем Вы	52,48	51,46	61,65	0,006
Природоморфные позитивные метафоры «своего» человека и «друга»	67,70	47,46	53,83	0,003
Артефактные позитивные метафоры «чужого» человека и «врага»	58,44	52,50	52,50	0,011
Метафоры качества и значимости «чужого» человека и «врага»	52,00	52,96	58,69	0,035
Метафоры негативной роли «чужого» человека и «врага»	44,50	60,57	49,35	0,025

Чем ниже уровень принятия дискриминационных практик, тем больше субъекты доверяют «своим» людям и «друзьям», приписывают им позитивные свойства, тем меньше фиксируют различия с «чужими» людьми и «врагами», их принадлежность к иным группам, их негативные свойства, тем менее склонны употреблять метафоры качества и значимости «чужих» людей и «вра-

гов», т. е. гиперболизировать их роль в жизни. Чем выше уровень принятия субъектами дискриминационных практик, тем зооморфные, артефактные и природоморфные метафоры «своих» людей и «друга» позитивнее, а метафоры «чужих» людей и «врага» негативнее.

Далее мы разделили респондентов на две группы: принимающие характеристики, в которых фиксирована принадлежность «врага» и «друга» к этнической, социокультурной, религиозной группе, к которой принадлежит/не принадлежит субъект, и не принимающие данные характеристики. Мы сравнили уровень принятия респондентами группы 1 и группы 2 дискриминационных практик по отношению к представителям других этнокультурных групп по U-критерию Манна – Уитни. Установлены различия (на уровне тенденции) между двумя группами. У респондентов группы 1 уровень принятия дискриминационных практик выше (60,85), чем у респондентов группы 2 (48,84) (p-уровень значимости 0,046). Различия (на уровне тенденции) метафор «своего» и «чужого» человека у респондентов данных групп приведены в таблице 4.

Таблица 4 – Различия метафор «своего» и «чужого» человека у респондентов, принимающих и отвергающих дискриминационные характеристики «врага» и «друга»

Метафоры «своего» и «чужого» человека, характеристики «врага» и «друга»	Респонденты, принимающие дискриминационные характеристики «врага» и «друга», средний ранг	Респонденты, отвергающие дискриминационные характеристики «врага» и «друга», средний ранг	Уровень значимости
Метафоры-атрибуты (нейтральные и амбивалентные) «друга»	51,50	55,89	0,048
Метафоры – прецедентные имена (амбивалентные) «друга»	52,00	55,51	0,078
Зооморфные метафоры (негативные) «чужого» человека и «врага»	60,10	49,40	0,026

Чем меньше субъекты принимают дискриминационные характеристики «врага» и «друга», тем более позитивны их образы «своих» людей и «друзей», отраженные в позитивных метафорах-атрибутах и метафорах – прецедентных именах. Чем больше они принимают эти характеристики, тем больше они употребляют зооморфные негативные метафоры «чужого» человека и «врага». Это свидетельствует об их предубеждениях по отношению к партнерам по общению в статусе «врагов», гиперболизации их негативных свойств. Далее мы сравнили метафоры и характеристики «врага» и «друга» у респондентов, называющих и не называющих метафоры сходства и различия с «врагом» и «другом», по U-критерию Манна – Уитни. Результаты приведены в таблице 5.

Таблица 5 – Различия метафор «своего» и «чужого» человека, «врага» и «друга» и характеристик «друга» у респондентов, фиксирующих и не фиксирующих сходства и различия с «врагом» и «другом»

Метафоры «своего» и «чужого» человека, характеристики «врага» и «друга»	Респонденты, называющие метафоры сходства и метафоры различия, средний ранг	Респонденты, не называющие метафоры сходства и метафоры различия, средний ранг	Уровень значимости
Человек, которому Вы преданны	59,80	48,91	0,024
Метафоры позитивной роли «своего» человека и «друга»	51,83	36,24	0,002
Зооморфные позитивные метафоры «своего» человека и «друга»	48,56	58,77	0,026
Метафоры позитивной роли «чужого» человека и «врага»	47,99	41,17	0,024
Метафоры негативной роли «чужого» человека и «врага»	49,31	39,47	0,035
Артефактные амбивалентные метафоры «чужого» человека и «врага»	47,73	41,50	0,015
Метафоры – негативные атрибуты «чужого» человека и «врага»	59,19	49,45	0,029

Значимость для субъектов их сходства и различия со «своими» и «чужими» людьми усиливает атрибуцию «врагам» негативных характеристик, амбивалентной роли в жизни, позитивную оценку роли «своих» людей и «друзей» в жизни. Чем более актуальна для субъекта категоризация окружающих как «своих» и «чужих» людей, тем более значимыми партнерами по общению являются «враги» и «друзья».

Выводы и заключение

Результаты исследования в рамках данной выборки свидетельствуют в пользу выдвинутых гипотез. Метафоры «своего» и «чужого» человека и характеристики «врага» и «друга» влияют на уровень принятия личностью дискриминационных практик по отношению к другим людям. Метафоры «своего» и «чужого» человека и социально-психологические характеристики представлений о «враге» и «друге» различаются у лиц с разным уровнем принятия дискриминационных практик по отношению к другим людям. Особенности принятия дискриминационных характеристик «врага» и «друга» и принятия метафор сходства и различия со «своими» и «чужими» связаны с метафорами различных типов и различными характеристиками «врага» и «друга». Построена эмпирическая модель метафор «своих» и «чужих» людей как одного из когнитивных предикторов дискриминации в связи с принятием повседневных дискриминационных практик. Принятие дискриминационных характеристик партнеров по общению, значимость сходства и различия со «своими» и «чужими» людьми поляризуют категоризацию других людей, восприятие друзей и врагов, в большей степени усиливают атрибуцию негативных качеств врагам, чем позитивных качеств друзьям.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5294.2016.6, тема «Метафоры “своего” и “чужого” как предиктор “языка вражды” и дискриминации» (внутренний номер 213.01-10/2016-10п).
2. Автаева Н.О. Язык вражды в современных СМИ: гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 811–813; Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46–53.
3. Автаева Н.О. Указ. соч. С. 811.
4. Гладилин А.В. «Язык вражды» как коммуникация [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. 2012. № 11 (19). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/gladilin.pdf> (дата обращения: 23.08.2016).
5. Коробкова О.С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.
6. Скарнев Д.С. Метафора как средство создания образа в рекламном дискурсе // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-7. С. 1550–1555.
7. Аванесян М.О. Психологические механизмы понимания и создания метафоры : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 22 с. ; Якунин А.П. Исследование метафор как форм объективации смысловой сферы в представлениях подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 256–267; Inkson K. Protean and boundaryless careers as metaphors // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 69, issue 1. August. P. 48–63; Metaphors for retirement: Unshackled from schedules / L.D. Sargent, C.D. Bataille, H.C. Vough, M.D. Lee // Ibid. 2011. Vol. 42, issue 3. P. 225–230.
8. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути человека : дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 220 с.
9. Inkson K. Op. cit. ; Metaphors for retirement ...
10. Вачков И.В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 1 (13). С. 75–88; Липская Т.А. Метафора как средство изучения школьных страхов детей младшего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 28 с. ; Черный Е.В. Техника метафорического кросс-моделирования в психотерапии и психологическом консультировании // Будущее клинической психологии – 2014 : сб. ст. Пермь, 2014. С. 128–133; Embodied metaphor and the «true» self: Priming entity expansion and protection influences intrinsic self-expressions in self-perceptions and interpersonal behavior / M.J. Landau, M. Vess, J. Arndt, Z.K. Rothschild, D. Sullivan, R.A. Atchley // Journal of Experimental Social Psychology. 2011. Vol. 47, issue 1. January. P. 79–87.
11. Indurkha V. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // New Ideas in Psychology. 2006. Vol. 24, issue 2. August. P. 133–162; Inkson K. Op. cit.
12. Скарнев Д.С. Указ. соч.
13. Керимов Р.Д. Концептуализация социальной реальности ФРГ этнологической метафорой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 97–101; Миньяр-Белоручева А.П. Особенности функционирования внешнеполитических метафор // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2014. Т. 1, № 2. С. 34–41; Эргашев А.А. Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 48–54.
14. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 23–35; Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52–64; Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2005. 288 с. ; Hess U., Cossette M., Hareli Sh. I and My Friends are Good People: The Perception of Incivility by Self, Friends and Strangers // Europe's Journal of Psychology. 2016. Vol. 12 (1). P. 99–114.
15. Скарнев Д.С. Указ. соч.

References:

- Avanesyan, MO 2013, *Psychological mechanisms of understanding and creating metaphors*, PhD thesis abstract, St. Petersburg, 22 p., (in Russian).
- Avtaeva, NO 2010, 'Hate speech in the media today: the gender dimension', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 4 (2), pp. 811-813, (in Russian).
- Bochaver, AA 2010, *Metaphor as a way of internal representation of the human way of life*, PhD thesis, Moscow, 220 p., (in Russian).
- Cherniy, EV 2014, 'Technique metaphorical cross modeling in psychotherapy and psychological counseling', *Budushcheye klinicheskoy psikhologii – 2014: sb. st.*, Perm, pp. 128-133, (in Russian).
- Gladilin, AV 2012, '"Hate speech" as a communication', *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektron. nauch. zhurn.*, no. 11 (19), viewed 23 August 2016, <<http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/gladilin.pdf>>, (in Russian).
- Ergashev, AA 2015, 'Reflection of social and political processes in the United States in military metaphors of Barack Obama', *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 393, pp. 48-54, (in Russian).
- Hess, U, Cossette, M & Hareli, Sh 2016, 'I and My Friends are Good People: The Perception of Incivility by Self, Friends and Strangers', *Europe's Journal of Psychology*, vol. 12 (1), pp. 99-114.
- Indurkha, B 2006, 'Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor', *New Ideas in Psychology*, vol. 24, issue 2, August, pp. 133-162.
- Inkson, K 2006, 'Protean and boundaryless careers as metaphors', *Journal of Vocational Behavior*, vol. 69, issue 1, August, pp. 48-63.
- Kerimov, RD 2013, 'Conceptualization of the social reality of Germany ethological metaphor', *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (81), pp. 97-101, (in Russian).
- Korobkova, OS 2009, 'Hate speech markers in the categories of ethnicity: sociolinguistic aspect', *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 111, pp. 200-205, (in Russian).
- Labunskaya, VA 2013, 'The image of the enemy in interpersonal communication', *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, no. 3, pp. 52-64, (in Russian).
- Landau, MJ, Vess, M, Arndt, J, Rothschild, ZK, Sullivan, D & Atchley, RA 2011, 'Embodied metaphor and the «true» self: Priming entity expansion and protection influences intrinsic self-expressions in self-perceptions and interpersonal behavior', *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 47, issue 1, January, pp. 79-87.
- Lipskaya, TA 2013, *Metaphor as a means of studying school fears primary school children*, PhD thesis abstract, Moscow, 28 p., (in Russian).
- Minyar-Belorucheva, AP 2014, 'Features of functioning of the foreign metaphors', *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, no. 2, pp. 34-41, (in Russian).
- Sknaryov, DS 2015, 'Metaphor as a means of creating an image in an advertising discourse', *Fundamental'nyye issledovaniya*, no. 2-7, pp. 1550-1555, (in Russian).
- Sargent, LD, Bataille, CD, Vough, HC & Lee, MD 2011, 'Metaphors for retirement: Unshackled from schedules', *Journal of Vocational Behavior*, vol. 42, issue 3, pp. 225-230.
- Tulinova, DN 2005, *Representations about the enemy and others in connection with an attitude to life at various stages*, PhD thesis, Rostov-on-Don, 288 p., (in Russian).
- Vachkov, IV 2015, 'Metaphors of tale therapy opportunities in working with adults', *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, vol. 4, no. 1 (13), pp. 75-88, (in Russian).
- Yakunin, AP 2013, 'The study of metaphor as a form of objectification of semantic sphere of teenagers in the views', *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 161, pp. 256-267, (in Russian).
- Yarskaya, VN 2012, 'My tongue – my enemy: Racist Discourse in Russian society', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 6, pp. 46-53, (in Russian).
- Znakov, VV 2012, 'The image of the enemy as the psychological foundation of understanding of the Muslim terrorist Russians', *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 23-35, (in Russian).